

Формирование фиктивного юридического дискурса в рамках дискурса урока

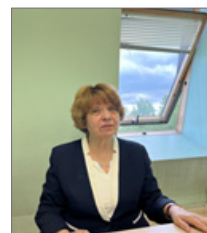
Аннотация. В статье рассматривается возможность формирования фиктивного юридического дискурса в рамках дискурса урока в процессе выполнении определенных заданий при обучении студентов-юристов иностранному юридическому языку. На основе анализа выполняемых заданий, аргументации обучающихся и конечного результата описаны лингвокогнитивные и лингвопрагматические характеристики, типичные для реального и фиктивного юридического дискурса, а именно: аргументативность, клишированность, наличие сформированных когнитивных структур (лингвоправовых стереотипов). Установлено, что фоновые знания и сформированные когнитивные структуры, характерные для реального иноязычного юридического дискурса, актуализируются в фиктивном юридическом дискурсе, что способствует решению поставленных задач и является необходимым условием успешной профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: юридический дискурс, лингвоправовой стереотип, аргументация, фиктивная коммуникация, фиктивный дискурс.

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.134.10.031-038

**Мария Алексеевна
ВИКУЛИНА,**
доцент кафедры лингвистики
и профессиональной
коммуникации в области права
Института
международного права
и правосудия
Московского государственного
лингвистического
университета,
кандидат филологических наук
vikulina_maria@mail.ru
119034, Россия, г. Москва,
ул. Остоженка, д. 36

**Лилия Васильевна
МОИСЕЕНКО,**
заведующий кафедрой
лингвистики
и профессиональной
коммуникации в области права
Института международного
права и правосудия
Московского государственного
лингвистического
университета,
доктор филологических наук,
профессор
liliamoiseenko@gmail.com
119034, Россия, г. Москва,
ул. Остоженка, д. 36

Maria A. VIKULINA,

*Assistant professor of the Department of Linguistics
and professional communication in law
of the Institute of international law and justice
Moscow state linguistic university,
Cand. Sci. (Philology)
vikulina_maria@mail.ru
36, Ostozhenka, Moscow, Russia, 119034*

Lilia V. MOISEENKO,

*Head of the Department of Linguistics
and professional communication in law
of the Institute of international law and justice
Moscow state linguistic university,
Dr. Sci. (Philology), Professor
liliamoiseenko@gmail.com
36, Ostozhenka, Moscow, Russia, 119034*

The Formation of Fictitious Legal Discourse within the Discourse of a Lesson

Abstract. *The article focuses on the possibility of forming fictitious legal discourse within the discourse of a lesson while teaching a foreign legal language to law students. Fictitious legal discourse may develop in certain types of tasks. Basing on the analysis of the tasks performed, legal reasoning and the result obtained, linguistic, cognitive and pragmatic features typical of both real and fictitious legal discourse have been described, they are cliches, arguments and cognitive structures (linguistic and legal stereotypes). It has been established that background knowledge and developed cognitive structures specific for real legal discourse are actualized in the fictitious legal discourse contributing to proper task resolution and successful professional communication.*

Keywords: *legal discourse, linguistic and legal stereotype, argument, fictitious communication, fictitious discourse*

Лингвоправовой стереотип как один из компонентов юридического дискурса

Проблематика институционального, в частности юридического, дискурса привлекала исследователей на протяжении десятилетий. Особенности юридического дискурса рассматривались учеными в лингвостилистическом ключе (Р. Tiersma, V. K. Bhatia, В. Garner, А. С. Пиголкин, В. М. Савицкий, А. Ф. Черданцев, Т. В. Губаева), с позиций судебной риторики (Т. В. Губаева), речеведения (Е. И. Галяшина),

переводоведения (С. Шарчевич, П. Сандрини), терминоведения (С. П. Хижняк, Н. П. Глинская, Е. С. Максименко, М. Н. Володина) и лингвистической экспертизы (Н. Д. Голев, К. И. Бринев).

Нюансы разворачивания юридического дискурса, равно как и его лингвопрагматические и лингвосемиотические характеристики, справедливо считаются достаточно детально изученными. В рамках данной статьи представляется целесообразным еще раз остановиться на базовых компонентах данного вида дискурса, выделенных В. И. Карасиком, таких как: 1) ограниченный тип участников; 2) хронотоп; 3) цели коммуникации; 4) ключевые концепты и ценности; 5) стратегии; 6) материал (тематика); 7) разновидности и жанры; 8) прецедентные тексты; 9) дискурсивные формулы¹.

Ролевая нагрузка участников юридического дискурса, их статус и функционал определяют стиль самого общения, задавая вектор специализированного клишированного общения между людьми, «которые могут не знать друг друга лично, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума»². Статусно-ролевые отношения, специфическая цель и условия общения определяют жесткую детерминированность тематики, наличие институциональных символов, ритуалов, поведенческих стереотипов и регулярно воспроизводимых в определенных обстоятельствах прецедентных текстов³.

С лингвокогнитивной точки зрения важно отметить, что в силу клишированности общения базовые концепты и понятия объективируются в юридическом дискурсе ограниченным числом лексем, что приводит к формированию в процессе интерпретации лингвоправовых стереотипов. Лингвоправовой стереотип представляет собой квант знаний о юридическом событии, номинируемом определенным термином. Другими словами, лингвоправовой стереотип — это «сформированная на основании институционального опыта когнитивная структура, соотносимая с содержанием юридического термина и с соответствующим этому термину общепринятым вариантом реализации события, его общими и особенными признаками и специфической юридической сущностью»⁴.

Важно отметить, что лингвоправовые стереотипы вербализуются и актуализируются в дискурсе ограниченным количеством лексем и обладают рядом интегральных и дифференциальных признаков, соотносимых с содержанием юридического термина, условиями его употребления, элементами легального толкования, правовой аргументации и регулирующей нормы права⁵.

Интегральные и дифференциальные признаки закрепляются в качестве признаков стереотипа в процессе интерпретации и могут актуализироваться в

¹ Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5—20.

² Карасик В. И. Язык социального статуса. М., 2002. С. 292.

³ Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сборник научных трудов. Волгоград : Перемена, 1998. С. 190.

⁴ Викулина М. А. Дискурсивный механизм формирования лингвоправового стереотипа (на материале решений Верховного суда США) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. С. 92.

⁵ Викулина М. А. Указ. соч.

дискурсе либо непосредственно термином, вербализующим некое правовое событие, либо совокупностью лексем, называющих *все* признаки стереотипа. Например, в случае общения двух лиц, обладающих профессиональными знаниями в юридической сфере, высказывание «его обвиняют в убийстве» актуализирует следующие признаки лингвоправового стереотипа: он причинил смерть другому лицу и — дифференциальный признак — сделал это *умышленно*. Дифференциальный признак отличает событие, соотносимое с данным лингвоправовым стереотипом, от других сходных правовых событий, в частности, в данном случае от причинения смерти по неосторожности, где также будет иметься признак «причинение смерти другому лицу», однако будет отсутствовать признак «умысел».

В ряде случаев репрезентация признаков стереотипа происходит за счет именования регулирующей нормы права (закона, статьи или прецедента). При неформальном общении в профессиональном кругу юристов высказывание «это, похоже, 105-я, товарищи» актуализирует тот же стереотип «убийство» и те же свойственные ему признаки (причинение смерти и умысел). За счет актуализации стереотипа общение упрощается и происходит полное понимание высказывания без дальнейших подробных комментариев, т.е. без необходимости цитирования самой правовой нормы или разъяснений к ней.

В данной связи важно отметить, что, во-первых, многообразие терминов в разных отраслях права и именуемых ими событий детерминирует аналогичное количество сформировавшихся у специалистов лингвоправовых стереотипов. В процессе интерпретации термина правоприменителями отбираются наиболее актуальные смыслы, которые впоследствии закрепляются за событием и его лингвоправовым стереотипом, поэтому каждому термину соответствует определенный лингвоправовой стереотип.

Во-вторых, подобное «редуцирование» высказывания (как приводилось в примере выше) в процессе общения до лексем, объективирующих разделяемые профессионалами знания, т.е. лексем, вербализующих соответствующие лингвоправовые стереотипы, можно считать спецификой юридического дискурса: лицо, не обладающее профессиональными знаниями, у которого не сформировались соответствующие когнитивные структуры, не поймет смысла высказывания, так как не произойдет актуализации стереотипа.

И, наконец, соотношение термина с определенным правовым событием (что актуально в процессе интерпретации правовой ситуации или кейса) возможно только при наличии *всех* признаков лингвоправового стереотипа.

Лингвокогнитивные особенности фиктивного юридического дискурса

Исследователи зачастую сравнивают юридический дискурс с дискурсом урока, выделяя сходные черты, такие как статусно-ролевые отношения. Однако в некоторых случаях, с нашей точки зрения, дискурс урока и юридический дискурс развиваются одновременно. Так, например, при выполнении заданий *moot court* (разыгрывание или воспроизведение судебного процесса) или *case study* (анализ дел с последующим моделированием судебного решения) происходит опосредованное погружение обучающихся в иноязычный правовой дискурс, они

«примеряют» на себя профессиональную коммуникацию, свойственную юристам-инофонам, рассматривая происходящее с точки зрения реальной правовой ситуации. Выполняя данное задание, (1) обучающийся ставит себя на место участника правового дискурса (статусно-ролевые отношения); (2) в качестве пространственно-временных координат выступает представление себя в зале судебных заседаний или ином месте, связанном с институтом права; (3) целью выполнения задания становится объективная оценка правовой ситуации, при этом выбираемые стратегии соответствуют стратегиям правоприменения; (4) основой принимаемого решения становятся прецедентные тексты, доктринальные источники и реальные нормативные правовые акты страны изучаемого языка; (5) процесс коммуникации в ходе решения задачи и само решение формулируются с использованием характерных для правового дискурса дискурсивных формул.

Данный тип дискурса не является, строго говоря, юридическим, поскольку разворачивается не в реальных условиях профессионального общения, а протекает «как если бы условия профессионального общения были реальными». Такой дискурс по аналогии с фиктивной коммуникацией мы называем фиктивным юридическим дискурсом. С нашей точки зрения, *фиктивный правовой дискурс — это вымышленная ситуация (ситуация-симулятор) профессионального общения, построенная и протекающая в соответствии с задачами и стратегиями юридических институтов, не имеющая места в действительности, но используемая как действительная с образовательной целью*. Особо следует подчеркнуть, что мы различаем фиктивный правовой дискурс в ходе образовательного процесса как искусственно воссозданный по образцу юридического института речевой акт и фиктивную коммуникацию⁶ в рамках, в частности, судебного заседания.

Важно отметить, что фиктивному юридическому дискурсу свойственны те же лингвокогнитивные и лингвопрагматические характеристики, что и реальному юридическому дискурсу. Небольшое отличие связано с целями коммуникации (не реальное отправление правосудия, а учебное моделирование правовой ситуации с целью освоения и закрепления материала) и воображаемым хронотопом (как если бы действие происходило в суде или иной профессиональной обстановке).

При выполнении упражнений типа *case study* воспроизводятся элементы англо-американского судебного дискурса, для которого характерны клишированность, аргументативность и интертекстуальность. Анализ судебных дел, положенных в основу заданий, предполагает такое же оперирование информацией, как при решении реального дела в суде, где требуется аргументированность высказывания с непосредственным цитированием текста закона или прецедента, основанная на тех же правилах и принципах, что и аргументация судей в процессе принятия решения. Клишированность фиктивного юридического дискурса обусловлена обращением к законодательной базе на английском языке, прецедентным текстам и судебной аргументации. Владение специальными знаниями, свойственными коллегам-инофонам, является залогом успешной коммуникации на иностранном языке в профессиональной сфере.

⁶ Общение адвокатов защиты и обвинения в зале суда выстраиваются в качестве диалогических реплик, адресованных противоположной стороне, хотя непосредственный диалог между ними в зале суда не предусмотрен процедурой.

Анализ аргументации, предложенной студентами, позволяет выделить опору на те же социокультурные параметры, которые устанавливали судьи, интерпретируя оригинальное дело. У обучающихся, углубленно изучающих юридический английский язык и правовую систему страны изучаемого языка, в ходе интерпретации дел как на русском, так и на английском языке происходит привлечение знаний разной степени абстрактности, что позволяет смоделировать реальную юридическую аргументацию в суде и правильно решить поставленную задачу⁷.

Подчеркнем, что в ряде случаев (задания типа *moot court* и *case study*) решение правовых задач, поставленных в ходе дискурса урока, основано в первую очередь на наличии профессиональных знаний и сформированных когнитивных структур, типичных для юридического дискурса. Поскольку лингвоправовой стереотип, именуемый определенным термином, формируется в процессе интерпретационной деятельности, он аккумулирует существенные конвенциональные признаки события, которые необходимы для квалификации ситуации и могут значительно отличаться от обычной лингвистической дефиниции. Приведем пример.

Термин *burglary* в Oxford Dictionary определяется как *the crime of entering a building illegally and stealing things from it* / «незаконное проникновение в здание с целью хищения», что зачастую ведет к не совсем корректному переводу термина в словарях — «кража со взломом». Однако квалификация преступления *burglary* («проникновение со взломом») в Model Penal Code сформулирована следующим образом: *breaking and entering on someone's premises with the intent to commit a felony* / «проникновение на объект чужой собственности с намерением совершить **тяжкое преступление**». Как видно из юридического определения термина, кража не является неотъемлемой частью *burglary*, это лишь один из вариантов преступных намерений: у взломщика может быть намерение совершить любое тяжкое преступление (например, убийство, изнасилование, поджог и т.д.).

В ходе интерпретационной деятельности правоприменители сформулировали детали события, определяя «степень» присутствия на чужой территории, например, при проникновении через окно (*R v Brown* (1985)), возможность остаться без разрешения (*R v Walkington* (1979)), косвенные указания на намерения или неосознанную помощь жертвы в осуществлении преступных планов (*R v Collins* (1973))⁸. Таким образом, в ходе правоприменения сформировался лингвоправовой стереотип *burglary*, обладающий такими признаками, как:

- 1) неправомерное присутствие (отсутствие разрешения или приглашения);
- 2) достаточное для реализации преступных намерений;
- 3) присутствие в пределах чужой собственности;
- 4) намерение совершить тяжкое преступление (караемое сроком от одного года тюремного заключения).

Данный стереотип противопоставляется другому событию — *trespass* / «нарушение границ частной собственности», у которого будут присутствовать три первых (интегральных) признака, однако не будет дифференциального признака

⁷ Воронин М. Ю., Моисеенко Л. В., Викулина М. А. Специфические параметры в аргументации как маркер интерференции англо-американского правового опыта // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 6. С. 16—22.

⁸ URL: <https://www.lawteacher.net/cases/burglary-cases.php> (дата обращения: 28.08.2025).

«намерение совершить тяжкое преступление». Подтверждение этому можно найти в комментариях юристов на профессиональных сайтах:

Burglary is when a person unlawfully enters a building **with the intent to commit a crime**. Trespassing, on the other hand, is being on someone's property **without permission or criminal intent**. Burglary typically results in felony charges, while trespassing is usually considered a misdemeanor⁹.

Следовательно, для правильного выполнения задания *case study* обучающимся недостаточно знать определение *burglary* — необходимы фоновые знания и сформированные когнитивные структуры, типичные для юридического дискурса, за счет которых может быть актуализирован лингвоправовой стереотип, позволяющий верно квалифицировать правовое событие.

Так, например, обучающимся предлагается изучить следующую реальную правовую ситуацию и смоделировать возможное судебное решение.

*The person living in the unit told police that three females came into her apartment with no warning or permission. The woman told police that Daechaera Dominick punched her in the face, while demanding money*¹⁰ / «Проживающая там дама сообщила полиции, что три женщины зашли к ней в квартиру без предупреждения или разрешения. Также женщина сообщила полиции, что Дакара Доминик ударила ее в лицо, требуя денег».

Верное решение данной задачи в рамках дискурса урока невозможно без сформированных лингвокогнитивных структур, типичных для реального юридического дискурса. Интерпретация правового события и ход рассуждения должны опираться на сформированные лингвоправовые стереотипы, объективируемые в задании определенными лексемами, что типично для реальной правовой коммуникации. Так, во-первых, выражения *punch* и *demand money* актуализируют лингвоправовой стереотип *robbery* (грабеж), которому свойственны хищение и применение или угроза применения насилия. Далее, поскольку грабеж с применением насилия является тяжким преступлением, а само деяние представляло собой незаконное, без разрешения, проникновение на чужую территорию (*came into her apartment with no warning or permission*), данное событие должно быть квалифицировано обучающимися как *burglary*. При этом задание не может быть выполнено корректно в случае отсутствия фоновых знаний и сформированных лингвоправовых стереотипов, типичных для юристов-инофонов.

Актуализация сформированных когнитивных структур, объективируемых определенными лексемами, равно как и типичные для реального правового дискурса клишированность, аргументативность и интертекстуальность, позволяют сделать вывод, что в рамках дискурса урока при выполнении заданий типа *case study* разворачивается фиктивный правовой дискурс. Успешное разворачивание данного типа дискурса способствует опосредованному погружению обучающихся в реалии правовой системы изучаемого языка и способствует развитию навыков профессиональной коммуникации, характерной для юристов-инофонов.

⁹ URL: <https://howgetdivorce.com/divorce-guidance/burglary-vs-trespassing/> (дата обращения: 22.08.2025).

¹⁰ URL: <https://www.valleynewslive.com/2024/05/14/two-facing-several-felony-charges-burglary-case-grand-forks/> (дата обращения: 22.08.2025).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Викулина М. А. Дискурсивный механизм формирования Лингвоправового стереотипа (на материале решений Верховного суда США) : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2021.
2. Воронин М. Ю., Моисеенко Л. В., Викулина М. А. Специфические параметры в аргументации как маркер интерференции англо-американского правового опыта // Пробелы в российском законодательстве. — 2021. — Т. 14. — № 6. — С. 16—22.
3. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сборник научных трудов. — Волгоград : Перемена, 1998. — С. 185—197.
4. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сборник научных трудов / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. — Волгоград : Перемена, 2000. — С. 5—20.
5. Карасик В. И. Язык социального статуса. — М., 2002.